

Скорик Ксения Владимировна

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И МАРКЕРЫ ДИАЛОГИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО
МОНОЛОГА ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗАХ С. ХИЛЛ**

Целью настоящей статьи является выявление синтаксических языковых средств, использование которых обуславливает процесс диалогизации монологической по форме внутренней (изображенной) речи персонажа. Также в статье рассматриваются маркеры диалогизированного внутреннего монолога героя, определяющие его особый синтаксис. Лингвистический анализ языковых средств и маркеров диалогизации проводится на материале англоязычных психологических рассказов С. Хилл.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 153-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.42

Целью настоящей статьи является выявление синтаксических языковых средств, использование которых обуславливает процесс диалогизации монологической по форме внутренней (изображенной) речи персонажа. Также в статье рассматриваются маркеры диалогизированного внутреннего монолога героя, определяющие его особый синтаксис. Лингвистический анализ языковых средств и маркеров диалогизации проводится на материале англоязычных психологических рассказов С. Хилл.

Ключевые слова и фразы: диалогизация; психологическая проза; синтаксические средства; внутренняя речь персонажа; внутренний монолог.

Скорик Ксения Владимировна, к. филол. н.

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

ksenyapro@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И МАРКЕРЫ ДИАЛОГИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗАХ С. ХИЛЛ

Развитие жанра психологического рассказа во многом связывается с литературой второй половины XX века. Характерной особенностью английской литературы модернизма стало изображение внутреннего мира личности, ее переживаний, эмоций, реакций. События внешнего плана отодвигаются автором на второй план, все внимание приковано к разворачивающейся в сознании героя драме. Язык внутреннего мира персонажа становится основой произведения, что приводит к абсолютной психологизации повествования. Рассказы английской писательницы С. Хилл в полной мере демонстрируют эту доминирующую особенность психологической прозы XX века. В фокусе внимания автора находится персонаж – субъект речи как центр сосредоточения чувств и мыслей человека в окружающем его мире. Происходящие с ним события преломляются сквозь призму восприятия его собственного «Я», именно внутренние монологи героя становятся импульсом для развития внешнесобытийного ряда.

Традиционно лингвисты относят внутренний монолог к разновидности внутренней речи или изображенной внутренней речи персонажа. Внутренняя речь персонажа как композиционный элемент художественного текста является важной составляющей психологической прозы. Это обусловлено тем, что «назначение внутренней речи – передать внутренние чувства и мысли персонажа, объективизируя сугубо субъективную сферу человеческого бытия» [2, с. 37]. Именно «субъективная сфера человеческого бытия» как предмет художественного изображения определяет суть психологической прозы.

Внутренний монолог является одним из приемов психологизации повествования, в форме которого изображается ход размышления героя. Говоря о внутреннем монологе как об одном из композиционно-речевых пластов прозаического произведения, следует отметить, что данная разновидность внутренней речи персонажа является «монологической» лишь по своей форме. По сути, перед читателем разворачивается диалог героя с самим собой, то есть аутодиалог, или внутренний диалог. Внутренняя речь персонажа имитирует сложный мыслительный процесс эмпирической внутренней речи, представляющей собой своеобразный диалог, в котором адресатом и адресантом выступает одно и то же лицо. Корни внутреннего диалога лежат в желании человека познать себя через «Другого», который необходим, чтобы «целостно постичь все структуры своего бытия» [4, с. 147]. Во внутреннем диалоге «Другой» выступает как различные лики «Я» (Alter Ego).

В разговоре с самим собой человек, строя планы, обсуждая положение дел, стремясь найти истину, актуализирует диалогические возможности мышления и языка. Их выражение опирается на различные диалогические структуры: вопросно-ответные единства, конструкции с включенной речью, вопросы и другие средства, направленные не на получение информации, а на выявление, оценку и осмысление другой точки зрения или другой смысловой позиции. Взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь, лежит в основе внутреннего диалога. Так как у одного субъекта речи могут быть противоположные, зачастую не совпадающие точки зрения, то и в его речи наличествует диалог, или диалогичность как генеральное свойство всякой речи, ее всеобщий признак, выступающий как «речевая реализация коммуникативной функции языка» и как «проявление его социальной сущности» [1, с. 127, 138]. Диалогизированная внутренняя речь способствует «более зримо восприятию внутреннего голоса персонажа» читателем [3, с. 75].

Диалогичность письменной речи представлена иерархически организованной системой лингвистических средств. Выступая в качестве одного из категориальных свойств текста, диалогичность варьируется в своем выражении. Актуализация категории диалогичности через языковые средства понимается нами как процесс диалогизации текста в целом и его отдельных составляющих. Диалогизация внутреннего монолога героя в психологической прозе достигается вследствие наделения текста синтаксическими языковыми средствами, такими как вопросительное предложение, вопросно-ответный комплекс, незаконченное предложение, восклицательное предложение, императив.

Использование одиночного вопросительного предложения или цепочки вопросительных предложений как средств диалогизации внутреннего монолога персонажа обусловлено рядом характеристик вопроса и, в первую очередь, его вопросительной интенцией. Вопрос, по сути, является репликой диалога: он исходит от адресанта сообщения и направлен на адресата. В процессе автокоммуникации адресантом и адресатом

высказывания выступает одно и то же лицо. Вопросительное предложение во внутреннем монологе персонажа не ориентировано на слушателя. Употребление его не связано с задачей привлечения внимания ко всему высказыванию, а тем более – выяснения чего-либо неизвестного. Оно направлено на то, чтобы продемонстрировать мыслительную деятельность персонажа, и не предполагает непосредственного ответа на него.

В рассказах С. Хилл одиночное вопросительное предложение во внутреннем монологе персонажа зачастую выступает как реплика на наблюдаемые им и воспроизводимые в его мыслях события. Главный герой рассказа С. Хилл «Альбатрос» [7] – молодой человек с отклонениями в развитии, живущий под непрерывным гнётом своей матери. В его сознании имеют место различные смысловые позиции: стремление к свободе и в то же время чувство ответственности, привязывающее его к матери-инвалиду. Дункан пытается понять своё место в окружающем мире, отношение к нему людей. В его внутреннем мире много противоречий: он фактически не знает жизни, так как все решения принимаются властной матерью. В поиске своей правды, Дункан пытается ответить на вопросы, которые мучают его, найти причины происходящих вокруг событий. Внутренний монолог персонажа этого рассказа диалогизируется посредством ввода цепочек вопросительных предложений:

Why did we come here? What are we doing here? Where did it all begin? But she would not tell [Ibidem, p. 23]... / Почему мы приехали сюда? Что мы здесь делаем? С чего всё началось? Но она не рассказывала... (здесь и далее перевод автора статьи – С. К.).

Why should he take me out there, Duncan thought. Why? I've never been, I don't know anything, he doesn't speak to me, why should he ask me to go [Ibidem, p. 40]? / Почему он ведёт меня туда, думал Дункан. Почему? Я никогда не был, я ничего не знаю, он со мной не разговаривает, зачем он просит меня пойти?

Вопрос во внутренней речи персонажа может быть использован в качестве импульса дальнейшего развития действия или повествования. В этом случае внутренний вопрос-реплика, включаемый в ход повествования, приводит к новому повороту в развитии описываемых событий. Размышления мисс Барлет («Когда я смогу уйти?») [6] приводят её к попытке изменить свою жизнь. Она покидает дом своей подруги в надежде начать жить самостоятельно. Ведя диалог с собой, задавая вопросы, провоцирующие размышления в поиске ответов на них, мисс Барлет выбирает верное, как ей кажется, решение из двух возможных (остаться жить со своей подругой или уйти и начать жить самостоятельно):

And what might I lose, she had thought, what opportunities shall I miss if I make the wrong choice [Ibidem, p. 62]? / А что я потеряю, думала она, какие возможности я упустию, если сделаю неверный выбор?

I said I would not stay here, she thought, would never have my name written up above a permanent shop, for my plans were to remain fluid. And now it is seven years, and how many opportunities have I missed? How many roads are closed to me [Там же]? / Я сказала, что не останусь здесь, думала она, моего имени никогда не будет на вывеске магазина, всё должно было измениться. И вот уже семь лет, и сколько возможностей я упустила? Сколько дорог закрыты для меня?

Героиня рассказа С. Хилл «Павлин» [6] Дэйзи Бакингам страдает из-за своей нерешимости уйти от чрезмерной опеки отца. Эти переживания отражены в её внутреннем диалоге. Вопрос, который она задаёт себе, является для неё стимулом к действию, поиску выхода из сложившейся ситуации. Под воздействием мыслей о слишком сильной привязанности к своему отцу, боязни всю жизнь провести с ним, она решается на замужество:

Then she had felt frustration and anger and misery welling up within her like a boil, she had thought, I am only thirty-four years old, I am still young, I have surely hope and fulfilment before me, why should I be in this place, why should I be still tied to my father, how can I bear it? She had almost cried out loud [Ibidem, p. 127]... / Затем она ощутила, как всё внутри закипает от злости, горя и разочарования, она подумала, мне всего тридцать четыре, я еще молода, у меня впереди еще много надежд и свершений, почему я должна быть здесь, вместе со своим отцом, как мне это выдержать? Она еле сдержалась, чтобы не закричать...

Одиночное вопросительное предложение может служить как для обозначения темы отдельного рассуждения, так и произведения в целом. Например, вопрос *How Soon Can I Leave? (Когда я смогу уйти?)* озаглавливает один из рассказов С. Хилл. Он передаёт основной мотив рассуждений главного персонажа.

Вопросно-ответный комплекс (ВОК) относится к одним из наиболее распространённых средств диалогизации внутреннего монолога персонажа. Это объясняется тем, что он представляет собой мини-диалог, так как состоит из вопроса и ответа, то есть обладает признаками диалогической по форме речи. А. Стельмашук определяет вопросно-ответный комплекс как «композиционно-функциональное двучастное построение, включающее в себя в качестве обязательного признака, вопросительное предложение с одной стороны и ответную часть, маркированную/немаркированную грамматически, как ответ самого разного объёма, с другой» [5, с. 55].

В одном из рассказов С. Хилл с помощью ВОК внутренний диалог главной героини передаётся как попытка оправдать перед собой своё намерение изменить мужу. Сначала формулируется вопрос, затем приводится ряд аргументов, ответов на него. Очевидно, что в сознании данного персонажа сочетаются две смысловые позиции: идея верности супругу и желание развлечений. Размышления на поставленный вопрос отражают ход поиска правильного решения, истины, верной для героини:

I am thirty-two years old, she told herself, eight years married & childless, what else is there for me? I am not unattractive, not unintelligent, yet I have never had any sort of an affair, before marriage or since, there is a whole world about which my friends talk & people write, & about which I know nothing. There are emotions, passions, jealousies & anxieties, which I do not understand. It is time, surely it is time [6, p. 43]... / Мне тридцать два года,

говорила она себе, восемь лет замужем, детей нет, что у меня впереди? Я привлекательна, не глупа, а у меня никогда не было никакой любовной истории, ни до замужества, ни после, вокруг целый мир, о котором говорят мои друзья, о котором пишут, а я не знаю о нём ничего. Эмоции, страсть, ревность, переживания, которые я не понимаю. Пришло время, несомненно, время пришло...

Для обозначения вопросно-ответного комплекса как синтаксической конструкции А. Стельмашук вводит понятие «диалогема», являющееся «своего рода формой диалогизации при её отражении в условиях книжно-письменной речи, то есть языковым средством реализации диалогизации в художественном тексте» [5, с. 55-56].

Незаконченное предложение как синтаксическое средство диалогизации внутреннего монолога создает иллюзию размышления, подчеркивает неуверенность в выражаемой точке зрения, указывая, таким образом, на возможность существования какой-либо другой смысловой позиции в сознании персонажа:

But it was over twenty years, Daisy Buckingham thought, I surely cannot be expected to... Oh but then, she was the one who had wanted to come here, she had first put the idea forward, made the arrangements, she... So it was her fault. It must be her fault [6, p. 128]. / Но уже прошло больше двадцати лет, думала Дэйзи Бакингам, безусловно, нельзя ожидать, что я... Но в то же время она сама захотела приехать сюда, это была её идея, она всё организовала, она... Да, это была её вина. Определённо, это её вина.

There was no more fear in him, no feeling for anything at all. He thought, I can do what I like, there is only me and I can do anything. Power surged through him like happiness. I can do what I like [7, p. 77]... / Он больше не чувствовал страха, вообще ничего не чувствовал. Он думал, я могу делать то, что мне нравится, есть только я один, и я могу делать всё. Он почувствовал мощный прилив сил, словно волна счастья захлестнула его.

Незаконченные и восклицательные предложения, являясь проявлением особого синтаксиса разговорной речи, свидетельствуют о диалогизованности внутреннего монолога. Незаконченные предложения во внутренней речи героя подчёркивают неуверенность в правильности рассуждений с точки зрения самого персонажа, и в то же время его стремление к поиску правильного решения, действия. Именно внутренний диалог – разговор с самим собой – позволяет найти выход из сложившейся ситуации, ведь в ходе диалога рождается истина, пусть даже эта истина и будет правомерна лишь для одного конкретного человека. В данном случае персонаж рассказа является как адресантом, так и адресатом в ходе разворачивающегося в его сознании внутреннего диалога.

Восклицательное предложение подчёркивает разговорный характер речи, так как является проявлением экспрессивности и выразительности. Таким образом, во внутренней речи персонажа возникает письменно закреплённый образ живого слова. С помощью восклицательных предложений передаются интонации, манеры речи, благодаря которым возникает естественность и непринуждённость речи, возмещается отсутствие способов передачи собственно устной речи:

She thought, my life is changing, everything is turning out for the best. Oh, how right I was to come here [6, p. 147]! / Она думала, моя жизнь меняется, всё меняется к лучшему. Ах, как права я была, что приехала сюда!

Императив как средство диалогизации отображает характер адресованности высказывания, так как предполагает наличие адресата – того, к кому обращено повеление, приказание, побуждение что-либо сделать. Императивная конструкция во внутренней речи персонажа используется для иллюстрации разговора персонажа с собой, попытки убеждения в чём-либо или побуждения к действию. В рассказе С. Хилл «Когда поют и танцуют» [6] императив имеет место во внутренней речи героини, только что потерявшей мать. Ей не дают покоя различные видения: кажется, что мать, ещё живая, находится в доме. Предложение с императивом выступает в данном случае репликой диалога, который персонаж ведёт наедине с собой, пытаясь побороть чувство страха, убедить себя избавиться от него:

Very well, then, she said, go upstairs and see for yourself [Ibidem, p. 117]. / Очень хорошо, тогда, сказала она, иди наверх и убедись сама.

Организованная в форме императивной конструкции реплика внутренней речи персонажа рассказа иллюстрирует попытку самоубеждения, несёт побудительный характер к действию: пойти и проверить достоверность своих видений. Обращение персонажа к самому себе, сформулированное в форме императива, подчёркивает диалогическую структуру мышления: отправитель и получатель команды – одно и то же лицо.

Sommerville thought, do not tell me this, it has nothing to do with me, I want to hear nothing of your grandmother. I have thought of all that, gone through all those questions and solved them, years ago, the problems of living and dying. It is sealed and packed away, that knowledge. I will not listen to you. It is nothing to me [7, p. 153]. / Самервил подумал, не говори мне это, это не имеет ко мне никакого отношения, я не хочу слышать ничего о твоей бабушке. Я уже всё это обдумал, ответил на все эти вопросы, уже несколько лет как решил для себя проблемы жизни и смерти. Всё запечатано и убрано прочь, все эти знания. Я не буду тебя слушать. Для меня это ничего не значит.

Главный герой рассказа С. Хилл «Самервил» – пожилой человек, решивший провести остаток своих дней в уединении, не желающий видеть ни кого-либо из своих родных, ни тем более случайных знакомых. Он, казалось бы, полностью уверен в своей самодостаточности, в желании вести отшельнический образ жизни, но, возможно, лишь пытается себя в этом уверить. Вторжение соседской девочки в жизнь этого пожилого человека пугает его, и он всячески пытается отстраниться от неё. Он боится разговоров с ней, но не может напрямую сказать об этом. Поэтому диалог с ней он ведёт лишь мысленно. Глагол в императиве (*do not tell me – не говори мне*) является в нём репликой, то есть компонентом внутреннего реплицирования.

Характеризуя синтаксические особенности диалогизированной внутренней речи в рассказах С. Хилл, необходимо отметить, что монологи персонажей представляют собой конструкции с прямой или косвенной речью. Слова героев, обращенные к себе, вводятся автором в повествование посредством глаголов ментальной активности (think), чувств (feel) или говорения (say). В конструкциях с прямой речью размышления ведутся от первого лица, в косвенной речи используются местоимения третьего лица:

I am my own mistress, she said, a grown-up woman with years ahead of me, it is time for me to be firm [6, p. 67]. / Я сама себе хозяйка, сказал она, взрослая женщина, у которой есть будущее, пришло время быть решительной.

He thought, when my mother comes, I shall tell her, or else I shall tell Aunt Spencer, and nobody will make me sleep again [7, p. 110]. / Он подумал, когда придёт мама, я ей расскажу, или я расскажу тётке Спенсер, и никто снова не заставит меня спать.

He thought of how terrible it would be, if he were always in Number Seven <...> [Ibidem, p. 106]. / Он подумал о том, как ужасно было бы, если бы он всегда был номером семь.

...she thought that he was impatient or even angry, she felt again that it was her fault <...> [6, p. 130]. / Она подумала, что он разозлился и потерял терпение, она снова почувствовала, что это её вина.

Как видно из приведенных выше примеров, внутренняя речь персонажа в них графически не маркирована. В текстах С. Хилл встречаются также примеры с прямой речью, в которых ее синтаксис графически обозначен, то есть прямая речь взята в кавычки. Таких включений, однако, значительно меньше.

She heard her mother telling her that the meals cost more than a pound a week. «Well, I do not mind, they give me pleasure, it is worth it for that» [Ibidem, p. 141]. / Она услышала, как её мать говорит ей, что эта еда обходится больше фунта в неделю. «Ну что ж, пусть будет так, она приносит мне удовольствие, это того стоит».

Приведенная ниже конструкция комбинирует в себе прямую речь, графически обозначенную и необозначенную:

«Ox-face», she said. But she had not said it. <...> Ox-face [Ibidem, p. 140]. / «Бычьё лицо», сказала она. Но она не сказала это. <...> Бычьё лицо.

В некоторых случаях внутренний монолог персонажа представлен как прямая речь без каких-либо вводных предложений, то есть без слов автора:

The teeth were like plastic bricks slithering into her mouth. Her gums were sore where they rubbed along the edges. They are not my teeth, in any case. I had my own teeth. I had perfect teeth, as a child, perfect teeth and perfect eyesight. The others wore a brace or spectacles, but I never did [Ibidem, p. 128]. / Зубы были словно склизкие пластмассовые кубики, попавшие ей в рот. В тех местах, где их края тёрлись о дёсны, её дёсны были воспалены. В любом случае, это не мои зубы. У меня были свои собственные зубы. У меня были безупречные зубы, как у ребёнка, безупречные зубы и безупречное зрение. Другие носили скобы или очки, а у меня никогда их не было.

Конструкции с прямой и косвенной речью – наиболее грамматикализованные способы включения внутреннего монолога героя в ткань художественного произведения. В рассказах С. Хилл встречаются также контаминированные структуры, в которых конструкции с прямой речью и с цитируемой речью сменяют друг друга:

I shall be a widow, she thought, I shall be left alone, and I should prepare for it now, make some plans. <...> She would entertain, she would learn a foreign language. She would fulfill herself. She said, I am over fifty and I have never known myself, never tested myself, I have never truly lived [Ibidem, p. 139]. / Я стану вдовой, думала она, я останусь одна, и мне надо приготовиться к этому, спланировать. <...> Она будет развлекаться, будет учить иностранный язык. Она будет реализовываться. Она сказала, мне за пятьдесят, а я никогда не знала себя, никогда не испытывала себя, я никогда по-настоящему не жила.

Вопрос в косвенной речи служит для оснащения внутреннего монолога героя разговорной интонационно-синтаксической оформленностью.

For days now Col wanted to quarrel. How had he ever be able to bear it? And he cast about [Ibidem, p. 158]. / Уже несколько дней Кол хотел поспорить. Как он вообще мог это выносить? И он стал обдумывать...

But now she was here again, and how could she have forgotten about this place, how could she have buried so much misery [Ibidem, p. 127]? / Но вот опять она здесь, и как она могла забыть это место, как можно было предать забвению столько горя?

Проведенный лингвистический анализ рассказов С. Хилл позволил выявить такие синтаксические языковые средства диалогизации внутреннего монолога персонажа как вопросительное предложение, вопросно-ответный комплекс, императив, незаконченные и восклицательные предложения, а также установить способы маркирования внутреннего диалога в монологической по форме речи. С помощью рассмотренных средств и маркеров диалогизации внутренняя речь персонажа наделяется особым синтаксисом, который способствует имитации эмпирической внутренней речи с присущими ей чертами разговорной речи – эмоциональностью, выразительностью – а также включающей элементы рассуждения и поиск ответов на вопросы.

Список источников

1. Кожина М. Н. Очерки истории научного стиля русского литературного языка VIII-XX вв.: в 3-х т. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с.
2. Логиннов А. В. Вопросительное и вопросно-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992. 172 с.

3. **Моисеева-Пронь Н. В.** Диалогизация речи как особенность поэтики А. П. Чехова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 4. С. 74-83.
4. **Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто. Эссе феноменологической онтологии // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск: Минск, 1997. С. 145-170.
5. **Степьмашук А.** Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза): дисс. ... д. филол. н. СПб., 1993. 276 с.
6. **Hill S.** A bit of Singing and Dancing. Harmondsworth (etc.): Penguin, 1975. 231 p.
7. **Hill S.** The Albatross and Other Stories. Harlow: Longman, 1989. 204 p.

**SYNTACTICAL LINGUISTIC MEANS AND MARKERS
OF PERSONAGE'S INNER MONOLOGUE DIALOGIZATION IN S. HILL'S STORIES**

Skorik Kseniya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Pushkin Leningrad State University
ksenyapro@mail.ru

The article identifies syntactical linguistic means the use of which stipulates the process of dialogization of personage's inner speech, monologic in its nature. The author also examines the markers of character's dialogized inner monologue which determine its special syntax. Linguistic analysis of linguistic means and dialogization markers is conducted by the material of psychological stories by the English writer S. Hill.

Key words and phrases: dialogization; psychological prose; syntactical means; personage's inner speech; inner monologue.

УДК 81

В статье рассматриваются параметрические прилагательные в структуре сложных слов на примере авиационной лексики английского языка. В сложных прилагательных выделены частотные параметрические прилагательные. Определены семантические значения параметрических прилагательных. В сложных словах рассмотрена сочетаемость параметрических прилагательных с лексико-семантическими группами существительных. Сложные слова с параметрическими прилагательными представлены в словосочетаниях и переведены на русский язык.

Ключевые слова и фразы: параметрические прилагательные; сложные слова; сочетаемость; значения; лексико-семантические группы; словообразование.

Столбовская Маргарита Анатольевна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
love89advance@gmail.com

**ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ
(НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АВИАЦИОННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Обучение профессионально ориентированному иностранному языку является важным для подготовки специалистов авиационного профиля. Профессионально ориентированный подход к изучению иностранного языка предполагает формирование у студентов умения иноязычного общения в профессиональных и научных сферах.

Для изучения английского языка, для перевода научно-технической литературы важно знать особенности словообразования [9, с. 160].

Целью работы является исследование параметрических прилагательных в сложных словах на примере авиационной лексики английского языка.

В данной статье поставлены следующие задачи:

- а) выделить в структуре сложного слова наиболее частотные параметрические прилагательные;
- б) определить семантические значения параметрических прилагательных;
- в) рассмотреть в сложных словах сочетаемость параметрических прилагательных с различными лексико-семантическими группами существительных.

Материалом исследования являются сложные слова с параметрическими прилагательными, выделенные методом целенаправленной выборки из лексикографических источников.

В исследовании были использованы следующие словари: «Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь» [6]; «Англо-русский авиационный словарь» [2]; «Англо-русский и русско-английский словарь» [3].

Параметрические прилагательные в структуре сложных слов впервые становятся предметом исследования на материале авиационной лексики английского языка, что определяет новизну данной статьи. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом и к авиации, и к английскому языку. Сложные прилагательные обладают высокой продуктивностью и широко используются в научно-технической литературе.